

18+

Нынтуус

Кирилл Городнов

Кирилл Городнов

Нунтиус

«Издательские решения»

Городнов К.

Нунтиус / К. Городнов — «Издательские решения»,

«Нунтиус» — это лиро-эпическая исповедь, развернутая в вечности. Это история Аморфиуса, чей дух, сбросивший оковы небес, отправляется в опасное путешествие по лабиринтам собственной души. Он ищет правду там, где царит тлен, надежда тает, как утренний туман. Но в мире, где каждый свет лицемерен, он находит Ее — Де Ля Ви, чья чистота становится для него одновременно и спасением, и самым страшным испытанием. Смогут ли пройти сквозь сомнения и собственную природу, чтобы обрести не покой, а истину?

© Городнов К.

© Издательские решения

Содержание

Признание	6
Вступление	8
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нунтиус

Кирилл Городнов

© Кирилл Городнов, 2026

ISBN 978-5-0069-7256-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Признание

Где таится в лабиринтах души
Запретный восторг и смятенье,
Где отчаянный разум творит
причудливо тени в миры,
Я ишу не простую глуши,
не земное тому подтвержденье,
А подобье змеи, красою игры.
Пусть пугает её извилистый, гибкий,
холодноватый узор,
Чешуя что сверкает, что темнее ночи,
В ней век, первозданный, могущий задор,
Способен разрушить оковы, сжечь все
мечты.
И хоть шепчет мне голос тревожный:
«Беги от судьбы сей жестокой,
Не вступай в этот танец, где нету ни
правил, ни грань»,
Я склоняюсь к её изголовью с улыбкой
одной, —
Принимаю игру, принимаю её обаянье и
длань.
Этот путь — не для робких сердец,
он извилист, тернист и суров,
И пройти его можно ценой
сомнений и страха,
чтоб познать, как в объятьях шипящих,
коварные слов
Рвётся в бездну душа, отвергая утехи и
прах.
Но в том паденье — свобода,
в том паденье — познание себя,
В этом жгучем прикосновенье—
и гибель, и новое рденье.
«Полюби меня так, без оглядки, какова
есть, дорога,
Как любит сокрытого серафима змея,
без сомненья и тихого тленья».
И сквозь бездны грехов и восторгов
сквозь мрак и сиянье огня
Прошепчу я, с тобою сливаясь, заклатье
простое:
«Люблю тебя, как без остатка, люблю тебя,
как и меня,
Как любит сокрытого света змея,
Что навек себя обретая».

Вступление

Часов неумолимых тихий ход
Лишь отмеряет путь твой, странник.
Их стрелки не пророческий оплот,
И в римских стенах ты — не пленник.
Пусть все пути ведут на форум вновь,
И толпы к цезарям своим несут дары, —
Ты ворота открой, презрев оковы слов,
Чтоб с ветром говорить и с морем у поры.
В безмолвии ночном, средь вечных звезд,
Вопрос терзает нас, как тайный яд:
Зачем горим мы в этой мгле пустой?
Ответа нет... Но дух не смолкнуть рад.
Когда ж надежда гаснет, как свеча,
И мир теснит, как каменная сроду, —
Взгляни в лицо грядущего, дыша,
И отыщи в себе самом свою свободу.
Но если бездна и свеча едва светла,
И мир лежит во зле, терзая и губя —
Ты в эту тьму войди, душою истязаясь,
И искру возвести, бессмертья любя!..
Когда ж томит тоска, и мир жесток,
И крест свой несть уже иссякли силы —
Сойди в себя, в подпольный свой порок,
Чтоб Божью в нем возжечь из пыли.

Глава I

I

Потускневшие крылья, опаленные руки,
Взор прежде сиял, неподвижен и строг.
В нем тоска затаенной, несказанной муки,
Покинули небо, спустившийся с ног.
Херувим, чье сердце алкало свободы,
Сбросить цепи небес, их надменный устав.
Избавить от рабства у трона Природы,
Он в грешный вступил, забытого, прав.
Он в юдоли пошел, в хаос кромешный,
Где под маской добра процветает обман.
Где улыбка — кинжал, а свет — лицемерный,
Где теряет невинный свой детский обман.
Он искал в грешных душах крупницы участия,
Теплоту у очага, простую любовь.
Но нашел лишь разврат, равнодушие, счастье,
Что кривится, как злой, безобразный покров.
И отринув все, к прежним высотам стремится,
На утес одинокий взобрался, изгнали.
Но и там небеса не хотят с ним делиться
Ни свободой, ни правдой в холодной дали.
Стоит он, прикинув к бездонному склону,
Взор истерк и пуст, простираясь во тьму.
И томится по Истине, словно в затону,
Пред бездной безмолвной, сам не зная, к чему...

II

Но что ж в груди смятением пожар?
Какая мрачная бросается тоска,
Без упования, без отрадных чар,
Дух тоскою пожирает до заката?
Всепоглощающий отчаянья полет
Трубит в свою серебряную твердь,
Чтоб он дерзнул и смог создать ее,
Но лишь роняет в прах свою же честь.
Сия борьба, сей чувств погибели состав
Все гуще гонит, пуще прежнего туман;
В бой толкая изнурительного сплав,
Суля одной отрадой — смертный хлад.
И все вокруг одето серой мглой,
И темень пожирает жадно бытие,
Преображая жизнь ее в пустой,
Где нет ни мысли, нет уж острие...
Сей светлый призрак, но туманный,
Зов забыть, дабы мятежный пыл,
Но с ним грядет Сирены страшный,

Его напиток — яд к смерду явил.
Но вот едва мерцающий маяк
Сквозь беспросветную печаль.
Что смерть отступится двояк
Под свет надежды пелена.
Но падший дух на то и обречен,
Чтоб изрыгать хулу на светлый дар;
В нем дремлет скорпион, собою уязвлен,
Сомненьем отравляет белый жар!
Но верю, но дерзаю уповать!
Искупленья плат, внутри сей ад;
Чтоб удостоиться, принять,
Должна душа избыть весь яд.
И с трепетом, с слезами, на коленях,
Ночью шепот: «Прости!» — в оны судьбины
Узрю, как тьма рассеется в сединых
Зари, что вечность льет на скорби вины.

III

Он вот, чей образ мрачен и суров,
В чьих кудрях — ночь, лик — блески хлада.
В его очах — озер туманного покров,
Где тень веков уснула без отрада.
Одет в атлас. В цвета вороньих крыл,
В нем дух тоски, что вечностью смущен.
Он — гонец, удел его — чтоб вечно жил
Тот поиск правды, свыше назначен.
Строптивый дух и разум одинокий
Хранят в себе и муку, и тревогу.
Он в тьме идет тропой высокой,
Спеша к своей неотвратимой строгоу.

IV

Средь теней бессонных, тишью темных сил,
Бредет, как призрак, дьяволом унылый.
В его очах — зеркал остывшие светил,
Горит звезда, но нет в ней силы и ни пыла.
О, пусть рассудок тверд, под силою суров,
Но что пред страстью, что царит мирами?
Холодный ум, несносен пред клеветами послов,
Разбит и гонит розу с лепестками.

V

Так пал ты, демон! Сраженный, неземной,
Что в смерть обличие явила ему вечность.
И вот паденье стало всем ценой его одной
За миг блаженной, горькой вечность.
Но дух в паденье свежесть обрета,
Средь руин своих взывается на высь.
Ему тропой сполна назначена стезя—
«Сквозь пустоту душою возносись.»
И, приняв в себя и мрак, и благодать,

Свой крест неся покорно, как святой,
Чтоб вечность на ладони удержать,
Он шаг творит — в мир, ставшего иной...

VI

Ты пришел с плохой вестью...
Зачем, Аморфиус, под плач?
Как истощенной Ахлис мезью
Протрубить погибель неудач...
И здесь — Ойзис, лазури и обмана —
Тревожат беспокойно вдоль ночи...
От горя с краем и до края океана,
Волной разят уставшие мечи...
Но внемли, друг: в полях забвенья,
Где тень Эвридики поет, грустя, —
Смирится сердца тяжкий пленя,
И утихает злая брань копья...
О, здесь приляг, под сенью кипариса,
Где веет фимиам прохлады голубой...
И для души, тоской истерзанной от мира,
Волною легкой накатится покой...

VII

Виденья целый полон бывший кров,
Где время стынет, властвуя без слов, —
Чтоб в мире снов, в пыли альковов,
Явить закон окаменевших от оков...
Исчез последний луч багровый,
И в сердце — хряск под силою часов.

VIII

И вот, я слышу, в башне дальней,
Что тень моя поет одну из странных нот, —
Как вверх, больной от пальцев белой,
Идет над бездной занавес на взлет...
— «Нещадным быть — восстал союз»,

IX

Разрывая связь меж былью и мечтой,
Где пепел жертвенный остыл так строго,
И возникает в зале бальной,
Где смолк давно и скрипок вой, и смех,
Как призрак дамы погребальной,
На затвердившей сотый раз свой грех...

X

Где вы, мечты, дыханье тихой ночи?
Вы улетели от ее взволнованных очей.
Ей не сносить верховной власти клей,
Ни славой гордой, ни красой спорочить.
Была пора — она, красой нетленной
Сияя, волю речковала всем на славу,
Но Зевс, сокрыв свой гнев кровавый,
Ее увлек в трон брачный, восхищенный.

О, брак! Ты — узы, чей венец — вершина,
Где каждая обида столь именем обидна.
Ей слышится в словах земного сына, —
Хвала отца... И стон души бессильной.
Когда ж душа, тоской воспламененна,
Желала мести в сумраке ночном,
Ей хаос сам, в его обличьи темном,
Явил свой лик, сломив ее со стоном.
Так в мире сем, под бурей неприметной,
Средь суетных надежд и сожалений,
Союз скрепленный клятвой тленной,
Хранит для дум печальный ряд томлений...

XI

И взгляд стремится вдаль,
Ему обратно не вернуться.
Где черты хранят печаль:
Вновь маятник коснуться.
Продолговатого мечтаний,
Когда усыпана хрустальная луна.
Сквозь вдаль ее звучаний,
Издаст лучистая сполна.
Как образ вечного высот:
По тайнам бледного несет.
Тернистым сводится оплот;
Рукой с прощанием встает,
О возврате птиц призовет:
На весть восходящего днем.
С тем важным он возведет,
Как давний от истин огнем,
Как Аталанта, держащего свод,
Бережет основы могучих.
И уверенно у очага свобод, —
Есть им по тени живущих.
Где падение свежий урок,
Всецело строгого взгляда.
Питает хоть страда пророк,
Что спасение в малости яда.

Глава II

I

Среди руин, где тень легла густая,
Свой дух скорбящий Аморфиус таил,
Он памятью о небе к чарам упиваясь,
Свой гордый жребий век его явил.
Но вдруг сиянье озарило своды,
Явившись в бархате ночных зеркал, —
То Виктории непорочны взоры
В его душе фантом былой воспрял.

II

«Зачем, — он молвил, — светлый ангел рая,
Ты в мир, где вечно длится муки глад,
Спустилась? Мысль одна, что ты святая,
Мой оскудевший дух терзает в ад».
Но не отринула Викторья ревенье,
В ее очах — небесная печаль:
«Я вижу в падшем сем творенье,
И мне твой мрак явится едва ль».
И в этот миг, где тьма слилась со светом,
Где встретились вражда и благодать,
Они постигли, что незримым следом
Любовь способна бездны покорять.

III

Его удел — холодная пустыня,
Ее удел — лазурная долины высь.
Он пьет из чаши горького полына,
Ей — аромат небесный лишь явись.
«О, не кляни мой жребий своенравный, —
Он молвил, очи полные тоской, —
Я пал, чтоб видеть лик твой благодатный
Во тьме моей, мучительной и злой».
«Кто пал, тот может встать, найти приют—
Любовь — не суд, не приговор судьбы.
Твой мрак души, твой ропот непрелюдный
Я принимаю, как приют слабы».
«Люблю! — восклик, дрожа от страсти. —
Простишь ли грех, мой бред ночной?»
Она в молчанье опустила ясти,
Потупив взор, смущенный и святой.
И в тишине меж них возникло чудо:
Ее лицо склонилось чуть грустя...
Не то отказ, не то согласна будто —
Как на утро их назначена заря.

IV

Он смолк. В очах, потухших и усталых,

Еще тлела последняя мечта.
Средь терний, судьбою ему данных,
Не росла отрадная черта.
Она ж, чиста, как утро в день священный,
Хранила в сердце тихий, кроткий свет.
Ее удел — в обители блаженной
Не знать, каких страданий стоит след.
«Взгляни, — сказал он с горькою враждою, —
На эту цепь, что совесть мне сковала.
Я недостойн быть перед тобою,
Душа моя и черства и мала».

VI

«Душа, любя, не ведает предела,
Она, как Бог, прощает и горит.
И в самом дне, где мрак и стон носился,
Она лучам небесным путь хранит».
«Поверь, — шепнул он, — верю исцеленью,
Твоей любви, что светит сквозь плиту».
И затрепетал, вкушая нетерпению
Забвения мучительную муть.
И два крыла, поднятые над бездной,
Сомкнули их в молчании немом.
Не победить, не быть врагам совместным,
Пока горит таинственным лучом.

VII

И он пошел за нею, как за чудом,
Покинув тьму своих немых печалей.
И каждый шаг казался ему судом,
И каждый вздох — предвестие скрижалей.
В ее очах, прозрачных и глубоких,
Как две зари, он видел оправданье.
Не в словах ее, в улыбке кроткой
Нашел он к новой жизни указанье.

VIII

Так дух, сраженный бурей преступленья,
В любви, как в океане, омут был.
В ней — и крест, и пасхальное мгновенье,
И тайный глас, что вечность возвестил.
И двое шли тропою одинокой,
Где прежде мрак и терния росли,
Неся в груди, под ношею высокой,
Одни — любовь, другие — прах делили.

IX

В его душе, терзаемой борьбою,
Еще вилась греха, позором тень,
И призраки, вставая чередою,
Смущали в нем надежды слабый день.
«Куда идешь, безумец утомленный?
Исчезнет ли от слез твоих вина?»

Ты — тот же прах, ничтожен и сраженный,
И этот свет — лишь призрак и весна».

X

Но ангел лет, внимая муке строгой,
Не осуждал холодной душой,
Вела его тропюю одинокой,
Где каждый миг был пыткой и борьбой.
И ветвь с росой, звездой нетленной,
Подказала в утренней тиши,
Как будто в ней, в ее красе смиренной,
Таилось все значенье — ширь души.

XI

«Взгляни, — звучал ее напев смиренный, —
На этот рой, в сияньи вдохновенный,
Кружится ввек в любви своей бесценной...
Вот жизнь, и нам дарованная в ней».
И он глядел, восторгом упоенный,
В его душе, где не было теней,
Всходило чувство, трепетно-блаженное,
Как утра луч, пробившийся сквозь тень.
И с сердца прах спадал его усталый,
Не с грохотом, низринутым с горы,
А как листок, под ветром опадалый,
Что просится на влажные ковры.
И в этой боли неги просыпалась,
И слезы шли, лаская его лик,
Как будто в них сквозь муку пробивалось
Светило дня, тьму ночи победив.

XII

И он постиг в минуту озаренья,
Что крест его — не казнь и не позор,
Лестница ввысь, где нету забвенья,
Где каждый шаг — и рана, и простор.
Что ноша та — не узы и не бремя,
А дар любви, священный тот алтарь,
Чтоб искупить паденье и всеми
Воскресшую душу возвратить в тот старь.
Так шли они, и утро, расстилая
Свой золотой и влажный покров вниз,
Лобзало их, прохладой струило
В лицо, с которых скорбь навек сбежит.

XIII

И в сердце, где рыдало сожаленье,
Рождался вдруг неведомый напев,
Не о рае, не о геенне пламенной,
А о любви, что победила гнев.
И двое шли, сплетя свои мечты,
Под тяжестью минувшей темноты:
Один нес крест и прежние речей,

Другая — свет, сияние очей.
О, двое шли, сплетя свои судьбы!
Под тяжестью минут, что были злы:
Один нес крест мучительной борьбы,
Другая — свет нетленной доброты.
XIV

И вот пришли они в долину тихую,
Где сосны старые воспели тишину,
Где гладь озерная, прозрачно-личная,
Хранила вечности заветную весну.
«Войди, — природа им шептала сладостно, —
В обитель, где свой душа найдет покой,
Где все бывшее, горестно и жалостно,
Становится под небесною силой».

XV
Он слышал листьев в тихом шествии,
И эхо горное вдали ему звучало,
И в каждом шаге — отблеск возрождения,
Что сердцу утомленному сияло.
И видел он: в тумане над водою
Вся жизни им раскрытая краса—
Не призраки с их призрачною тьмою,
А вечная и с тем трепетная связь.

XVI
«Взгляни, — звучало в шепоте ручья, —
Как ива над водой склонила ветви,
Она грустит, но в горести своя
Хранит для мира зелени приметы»».
И узрел в прозрачной он глубине
Свой образ, но преображенный, новый,
Где в строгих чертах на печальном лике
Уж проступал покой судьбы суровой.

XVI
И с небес, в сияньи кротком, ясном,
Сошла к ним благодать в тиши ночной,
Не в буре, не в порыве страстном,
А в трепетной, смиренной глубинной.
«Выбери, — звучал тот глас спокойный, —
Остаться здесь, где вечный идеал,
Иль в мир вернуться, в шум его застойный,
Где новые мечи твой дух ковал».

XVII
И он, в ее руке почувствовав ответ,
«Изберу я путь, где долг и скорбь земная,
Где каждый шаг — за светлый свой обет,
Где жизнь — и крест, и благодать святая».
И дрогнули верхушки вековых берез,
И озеро лучами заиграло,
И пронеслось: «Ты свой свершил вопрос»,

И эхо в горных скалах замолчало.

XVIII

Так завершился час уединенья,
Но не борьбы — душа ее легка,
Ведь в каждом миге — новое рожденье,
И нет конца дорогам мудреца.
И в предрассветный час, когда так чисто
Светил на землю небосвод родной,
Они пошли тропою золотистой,
Неся в душе и мир, и покой, и строй.

XIX

Внемля гласу, что звенел в листве дубравной,
Он поднял очи к выси голубой,
Где в ризах облаков, зарей румяновластной,
Горел последний луч, как обет золотой.
«Я не бегу от судьбы, — шепнул он, — и не ропщу,
И в заботах от мирских не изнемогу,
Но в тишину сию, как тайну унесу
Я в шумный град, насвтречу берегу.

XX

И возвестили сосны вековые,
Качая темной зеленью своей,
Что нет конца у неба и земли,
Что свет разлуки — тоже свет лучей.
И проступила в озерной глубинке,
Средь водяных зыбей и светлых струй,
Не зыбкий лик, а твердый лик святыни —
Печать избранья на челе — крестный поцелуй.

Глава III

I

И вот ступил он на тропу мирскую,
Где пыль седая клубится, как туман,
Где жизнь, борьбою душу истребую,
Встречает стонами со всех сторон и стран.
Ему навстречу — лики искаженные,
Больные скорбью, яростью, тоской,
Души, во тьме ночной заблужденные,
С своей неразрешенною тоской.

II

Он шел меж них, и каждый вздох тяжелый
Ему напоминал о клятве роковой,
О тишине озер, о глади смолой,
Оставленной в стране его святой.
Но не роптал избранник одинокий,
Нес в сердце образ, светлый и немой,
И ветхий мир, что дан был в срок высокой,
Как щит от ужаса и скорбями земной.

III

В его душе, как в келье монастырской,
Хранился тот елей, что все же не угас,
И в шуме площадном, и в речи быстрой
Он слышал отзвук горних, чистых глаз.
И в каждом нищем, падшем и больном
Узреть стремился он черты благие,
Ту искру Божию, под греховным хламом
Томящуюся в плену, всечасно изнывая.

IV

Но демон сомнения, с улыбкой хладной,
Шептал ему: «Вот твой высокий строй!
Где ж благодать? Все здесь так безобразно,
И твой геройский подвиг — лишь покой.
Вернись в твой рай, в долину заповедную,
Где эхо шепчет в сладостной тиши,
А здесь — одна лишь проза бесследную,
Одно людское рабство и грехи».

V

И в час такой, когда душа смущалась,
И крест земной казался нестерпим,
Он образ тот, что в озере остался,
Воздвигнул в сердце, слез омывшим им.
И вновь звучал тот голос, неизменный:
«Прими сей дар — и муку, и любовь,
Иди в народ, в больницы, в сени тленны,
Неси свой свет, свою святую кровь».

VI

И нес он крест, смиряя дух мятежный,
Сквозь гул толпы, сквозь смех и ложь,
Благословляя путь свой безнадежный
И оправдав свою судьбу во всем.
И видел он — сквозь морок и паденье
Порой мелькал родной, нездешний свет,
Как отблеск той, утраченной весны,
Что вечно жив в душе, что гибели и нет.

VII

И в этой скорби, в этом постоянстве,
В борьбе с самим собой, с мирской грозой,
Явился ему новый смысл в сострадании,
Как искупление в жизни у земной.
Не для себя, для призрачного рая
Он путь — для страждущих, живых,
Чтить тоску, их боль смиряя — растворяя
В бездонной милости души своей больной.

VIII

Так шел пророк в толпе неотличимо,
Неся в груди и холод, и пожар,
Где утешенье становилось бремя,
А тяжкий крест — блаженством из утрат.
И в этом был высочайший строй души,
Не отречение, а ее внимающий закон,
Когда из мук, из тьмы и из суши
Бессмертный дух, как феникс, возрожден.

IX

Их путь пресекался у реки разлившейся,
Весенний гнев вздыбил седой вал,
Вода ревела, пеной осквернившейся,
И переправы смерть им обещала.
«Нам не пройти, — Виктория сказала, —
Волна сомнет и мощь ладьи, и плот.
Одним из нас стать жертвою бы надо,
Чтоб дать другому шанс пройти вперед».

X

Он взгляд ее поймал — в нем не было покоя,
Лишь решимость, холодная, как сталь.
«Нет жертвам! — голос носится над воем. —
Наш общий путь — иль адская нам даль.
Я не приму спасенья той ценой,
Не стану жить, зная, что ты — кость в воде.
Мы или вместе будем погребены,
Иль вместе перейдем на этом судне».

XI

«Безумец! — прошептала, — ради света,
Что ты нести обязан для других...»
Но он, схватив ее за руку, вот ответ

Да к волнам прокричал, безумью вопреки.
И, обернувшись к челну одинокому,
Что буйство накаляло, как щепку в зле,
Шагнул, влача ее за собою строго,
На хлипкий настиг в яростной воде.

XII

И в этот миг, когда вода холодная
Уж обжигала их дрожащие ноги,
И смерть дышала в лицо, голодная,
Случилось чудо, снявшее тревоги.
Не ангел с неба — старик в плаще седой,
Скрытый до срока в тени скал сырых,
Перекрестился медленно рукой
И крикнул: «Держитесь!» — речью волевых.

XIII

И лодка, будто от хаоса вскинута,
Повинуясь единству и смелостью их,
Пошла сквозь вал, волной не опрокинута,
Как будто Господь хранил к цели двоих.
А старик, исчезнув тропею туманной,
Словно и не бывало вовсе его тут,
Оставив им в дар путь неожиданный,
Что только вера и любовь создают.

XIV

Они, на берег выбравшись дрожащий,
Смотрели вспять, где рев еще звучал,
И понимали в битве настоящей
Не чудо их спасло, а их закал.
Тот шаг в пучину, сделанный благими,
Не для себя, но чтоб другого не предать,
Сломил течение гибельной стихии,
Сумев саму судьбу за горло взять.

XV

И здесь, в тиши, придя в себя едва ли,
Он обнял Викторию — и в тишине
Понял, что больше нету в мире дали,
Что могла бы разлучить их в беготне.
Не мост из света, не сиянье рая —
А этот берег, мокрый, некрасив,
Им новую дорогу открывая,
Где их дыханье навсегда слилось.

XVI

Еще дрожали руки, кровь стучала
В висках, как отзвук прошедшей беды,
Но дух уже летел, предвосхищая
Все испытания, что ждут впереди.
Развитием был им не крик и не видение,
А тихий шепот: «Вместе и Навсегда».
И в этом — высшее предназначение,

Где торжество, напротив к тьме — звезда.

XVII

Настала ночь. Костер, дрожа, светился,
Бросая блики на скалы кругом.

Все стихло. Только сумрак шевелился
Да изредка трещал огонь сухим сучком.

Их двое в мире — более не нужно,

Ни клятв, ни громких, гордых фраз.

Лишь тишина, что стала вдруг послушной

И сердцу внятен каждый робкий час.

XVIII

Смотрел он в пламя, будто в нем читая

Всю повесть дня — и гнев, и страшный миг,

И как душа, едва не изнывая,

Нашла в себе спасительный родник.

И видел он в багряных угольках

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.